

— Входи.

Холодный, отстранённый голос донёлся из кабинета.

Она осторожно толкнула дверь, нервно потирая край своей одежды. — Тебе стоит обработать рану на шее, правда же?

Хэ Лань, занятая работой, подняла голову. Откинувшись на спинку кресла, она провела тонкими пальцами по шее — и в самом деле, место укуса саднило.

Она насмешливо приподняла бровь, глядя на гостью: — Хочешь мне помочь? С чего такая внезапная доброта?

— Эй, не думай обо мне так плохо! Ты приютила меня, и я не из тех, кто не помнит добра. Эта рана... раз уж это моих рук дело, я, разумеется, обязана наложить повязку!

Всё верно, Сун Сыинь привыкла отвечать за свои поступки. Раз уж она сама её оцарапала, а они не враги, она просто обязана помочь!

Хэ Лань одарила её игривой улыбкой, сцепила руки в замок и расслабленно откинулась назад. — Ну, приступай.

— Где у тебя аптечка? Я обыскала всю гостиную, но ничего не нашла.

Она знала, что в этом доме нет ни капли домашнего уюта, но Хэ Лань зачем-то пыталась его создать. Сун Сыинь сразу почувствовала этот диссонанс. Будучи студенткой четвёртого курса художественного факультета, она отлично разбиралась в пространственной композиции.

Дом принадлежал Хэ Лань, но в нём не чувствовалось тепла. Множество безделушек были расставлены слишком уж старательно.

Хэ Лань подсказала: — В тумбе под телевизором, слева.

Сун Сыинь отбросила в сторону мысли о странной атмосфере дома. Какое ей дело? Она здесь всего на четырнадцать дней, только чтобы устроить личную жизнь старшего брата, а дальше пусть он сам справляется.

Она быстро нашла аптечку в гостиной и вернулась в кабинет. Подойдя к столу, она опустила коробку, достала лекарство и, стараясь быть аккуратной, обмакнула ватную палочку в йод. Готовясь к обработке, она случайно задела локтем мышку — на экране компьютера внезапно выскочила фотография.

На мониторе крупным планом зияло жуткое изображение трупа!

— А-а-а!

Сун Сыинь вскрикнула, отшатнулась, врезалась в ножку стула Хэ Лань и, потеряв равновесие, повалилась прямо на неё.

Она лишилась опоры, и её тело без всяких препятствий рухнуло в объятия хозяйки дома. Они оказались прижаты друг к другу в донельзя двусмысленной, интимной позе.

Плотный контакт, ни единого зазора.

Хэ Лань, почувствовав, как человек в её объятиях задрожал, а сердцебиение подскочило выше ста двадцати ударов в минуту, поняла: гостью напугали до смерти. Хэ Лань среагировала мгновенно: она перехватила руку Сун Сыинь с ватной палочкой, обхватив её ладонь своей, и отвела руку в сторону, чтобы капля йода не испачкала одежду.

Думала, что она такая смелая, а на деле — испугалась одной фотографии. Хэ Лань невольно усмехнулась.

От девушки исходил тонкий, приятный аромат, название которому она не могла подобрать. Хэ Лань неожиданно это понравилось, и она невольно склонилась, вдыхая этот запах.

Внезапно её тело напряглось. Что она делает?

Выражение лица Хэ Лань стало безразличным. Она пошевелила мышкой, переключив окно на текстовый отчёт, чтобы скрыть снимок вскрытия. Снова облачившись в свою холодную, отстранённую маску, она произнесла: — Вставай.

Сун Сыинь отчаянно затрясла головой.

— Раз он мёртв, значит, проиграл живым. Ты же живая, чего тебе бояться?

— Ты... что ты такое говоришь? — голос Сун Сыинь дрожал, она крепко зажмурила глаза. — У него глаза такие выпученные, и всё тело в синяках — это же жуть какая-то!

— Глаза открыты, потому что я осматривала глазные яблоки на предмет повреждений или инородных тел. А синяки — это трупные пятна, их не избежать после смерти. Судя по тому, как ты вела себя в баре, я думала, у тебя стальные нервы, а ты испугалась простой фотографии.

— Но это же фото трупа!

— Я судмедэксперт, для меня смотреть на такие вещи — обычное дело.

Сун Сыинь внезапно подняла голову и уставилась на неё: — Ты судмедэксперт?!

Они были так близко, что можно было разглядеть мельчайшие поры на коже и почувствовать дыхание друг друга. Сун Сыинь смотрела на Хэ Лань: её ресницы оказались густыми и загнутыми, как у куклы, но черты лица были не миловидными, а благородными — красота идеальной костной структуры.

Сун Сыинь невольно начала анализировать внешность Хэ Лань: её кости лица, должно быть, безупречны...

Хэ Лань смотрела на неё сверху вниз. У девушки были пухлые щёки и яркие, будто никогда не знавшие пыли глаза. Вчера в баре она казалась ангелом, заблудившимся в лесу, а сейчас напоминала испуганного щенка.

Где-то глубоко внутри что-то дрогнуло. Хэ Лань улыбнулась: — Тебе так нравится лежать у меня на руках?

— Я... я вовсе нет...

Она попыталась поспешно подняться, но едва оторвала бёдра от коленей Хэ Лань, как та схватила её за поясницу и снова прижала к себе. — Ты собиралась обработать мне рану, не так ли? Давай быстрее, у меня ещё работа.

Хэ Лань слегка повернула голову, открывая идеальную линию подбородка и изящную, плавную шею. На фоне безупречно белой кожи это выглядело так красиво, что невозможно было отвести взгляд.

Это простое движение головы выглядело до неприличия соблазнительно, вызывая странное желание... прикоснуться к ней губами.

Тьфу, тьфу, тьфу!

Сун Сыинь поспешно отогнала эти мысли, взялась за йод и начала обработку.

Закончив, она поспешила соскочить с колен Хэ Лань. — Всё, готово.

Хэ Лань склонила голову набок, подперев её рукой, и с интересом произнесла: — М-м, благодарю.

— Э-э... где мне сегодня спать?

— Конечно же, в гостевой комнате. А где ты хотела?

Лицо Сун Сыинь снова вспыхнуло, словно её сварили в кипятке. Она принялась запинаться: — Я, я просто вежливо спросила... Тогда я пойду отдыхать.

Сказав это, она пулей вылетела из кабинета.

Улыбка на лице Хэ Лань угасла не сразу. Взгляд вернулся к монитору, к отчету о вскрытии, и глаза снова стали холодными.

Всплыло окно сообщения.

Чэнь Син: Команда «Синих» не перестаёт давить по поводу отчёта о вскрытии. Я сказал им, что ты на самоизоляции.

Хэ Лань выпрямилась и начала печатать: Причина смерти аномальна, нужно дождаться результатов лабораторных анализов, только тогда я смогу завершить отчёт. Мы — единственные, кому жертва может доверить свою правду. Пока у меня нет готовых выводов, пусть хоть лопнут, но подождут!

Чэнь Син: Хорошо, я передам.

Хэ Лань снова открыла фотографии вскрытия, вглядываясь в детали и закрыв глаза, чтобы освежить в памяти каждый нюанс...

Войдя в гостевую комнату, Сун Сыинь обнаружила, что она пуста, будто в ней никто никогда не жил: только матрас, ни простыней, ни одеяла, ни подушек!

— Ну и чудачка!

В шкафу всё это нашлось, но даже бирки с товаров не были сняты.

Потратив уйму времени на то, чтобы застелить постель, Сун Сыинь легла и уставилась в потолок. — Я что, первый человек, который здесь остался?

Она повернула голову, прислушиваясь. Было так тихо, что если бы она не знала о присутствии соседки, то подумала бы, что в доме больше никого нет.

— Сун Сыинь, спи, просто спи. Всего четырнадцать дней, пролетят незаметно.

Раннее утро.

Сун Сыинь проснулась от шума новостей по телевизору. Не открывая глаз, она натянула одеяло на голову.

— Ли Суннань, сделай потише! — раздражённо крикнула она, не успев окончательно проснуться.

Минут через пять она резко села, часто моргая.

— Я не в общежитии.

Взглянув на часы, она пришла в ярость: — Семь пятьдесят?!

У неё была тяжёлая утренняя раздражительность: если ей не давали выспаться, весь её день превращался в катастрофу. С тех пор как поступила в университет, она ни разу не вставала так рано. Она выбирала курсы, которые начинались после обеда, предпочитая сидеть до глубокой ночи, но никогда не вставать с петухами.

Все эти байки про ранних пташек для неё были пустым звуком: она считала, что ранняя пташка сама попадает в клюв хищнику!

В университете было удобно: в комнате жили по четыре человека, и при распределении учитывались характеры — любители храпа жили отдельно от тех, кто соблюдал режим, поэтому её соседки были такими же «сонями», как и она. И за последние годы, не считая тех редких моментов, когда брат Сун Сычжо будил её дома, она почти не страдала от утренней злости.

Она встала и, не удосужившись переодеться, в одной длинной женской рубашке сердито распахнула дверь и вышла в гостиную.

Там шли утренние новости. На балконе, на беговой дорожке, занималась Хэ Лань в спортивной майке и шортах.

Стоило Сун Сыинь увидеть её за тренировкой, как вся её утренняя злость словно ветром сдуло.

У Хэ Лань была великолепная фигура. При каждом движении было видно, как играют мышцы, не перекачанные, но удивительно красивые. Теперь она понимала, почему девушки с её факультета визжали от восторга, наблюдая за игрой спортсменок: в людях, занятых спортом, действительно есть что-то ослепительное, независимо от пола.

Закончив бег, Хэ Лань сошла с тренажёра и обернулась к ней: — Завтрак...

Слова застряли у неё в горле. Взгляд Хэ Лань потемнел, она замерла с полотенцем у шеи, не сводя глаз с Сун Сыинь.

Сун Сыинь вдруг подумала, что, возможно, и она сама из тех, кто боится сильных и давит на слабых — гнев исчез в тот момент, когда она увидела чужую тренировку. Но ради своего сна в ближайшие пять дней она всё же попыталась договориться:

— Ты не могла бы заниматься утром потише?

— Сначала переоденься, а потом поговорим.

Хэ Лань, снимая напульсники, прошла мимо неё в сторону кухни.

Сун Сыинь посмотрела на себя: — А что не так с моей одеждой?

Хэ Лань, которая только что достала кофе из холодильника, остановилась и обернулась: — Что не так? Ты правда считаешь, что гулять по моему дому в таком виде — это нормально?

— Мы же обе женщины, чего бояться? — пробормотала Сун Сыинь, невольно прикрывшись рукой. — У меня есть то же, что и у тебя, чего тут стесняться?

У них в общежитии все так ходили — так комфортно освобождать себя от лишнего! Они же женщины, мужчин рядом нет, зачем себя ограничивать?

Хэ Лань крепче сжала чашку кофе и поджала губы: — Иди переоденься. Или можешь выйти в коридор, там тебе будут рады.

— Переодеваюсь, переодеваюсь, уже бегу!

Сун Сыинь пулей влетела в гостевую комнату, решив, что умный в гору не пойдёт, и под крышей чужого дома лучшешний раз не спорить.

<http://bllate.org/book/21004/2135589>